

Доклад и выступление на III коллоквиуме западногерманских и советских историков (ФРГ, г. Мюнхен, 1978 г.)¹

Марксистский историзм и его воплощение
в современной советской исторической науке

За 60 лет существования советская историческая наука прошла большой путь в своем развитии. Это развитие и достигнутые к настоящему времени результаты настолько многогранны, а размах ведущихся исследований настолько велик, что в данном случае не представляется возможным даже перечислить основные аспекты этих исследований и тем более охарактеризовать их итоги*. Впрочем, с точки зрения сюжетов, вынесенных на обсуждение настоящего коллоквиума, в этом нет и необходимости.

Советская историческая наука основывается на марксистской теории и методологии исторического познания. Как было показано, марксистское направление в русской исторической науке зародилось в конце XIX и успешно развивалось в начале XX века.

Основным содержанием первого этапа в развитии советской исторической науки (с 1917 г. и примерно до середины 30-х годов) был критический пересмотр наследия дворянско-буржуазной и мелкобуржуазной историографии и утверждение марксистской теории и методологии исторического познания.

Последующий период в развитии советской исторической науки и особенно его современный этап (приблизительно с конца 50-х годов) характеризуется интенсивным ростом исторических исследований, в которых с позиций марксизма и на основе широкого привлечения конкретно-исторического материала дан всесторонний и глубокий анализ хода исторического развития как нашей, так и зарубежных стран с древнейших времен и до современности.

Разумеется, разные аспекты этого развития исследованы неодинаково. Многие явления и процессы общественной жизни прошлого и настоящего еще не освещены должным образом, а по целому ряду из них высказываются различные мнения и ведутся дискуссии. Однако все основные этапы и проявления исторического развития в той или иной степени подвергались изучению. Это позволило не только раскрыть сущность отдельных сторон и тенденций, явлений и процессов исторического развития, но и выявить

* Достаточно сказать, что в последние годы в Советском Союзе ежегодно публикуется 18—20 тысяч работ по истории, археологии и этнографии.

общий ход и этапы, основные закономерности и особенности, движущие силы и внутренний механизм этого развития.

Итоги совокупных усилий советских историков нашли свое выражение в обобщающих многотомных исследованиях по отечественной («История СССР с древнейших времен») и всемирной истории («Всемирная история» — опубликовано 11 томов)², истории отдельных стран (Венгрия, Румыния, Корея, Индия, Пакистан, Италия, Франция, Швеция и другие) и целом ряде других сводных трудов*.

Основной теоретико-методологический итог шестидесятилетнего развития советской исторической науки состоит в том, что неоспоримо доказано превосходство марксизма как теории и методологии исторического научного познания над всеми другими теориями и методами. Конкретно-исторические и историографические исследования советских историков показали, что именно марксизм обеспечивает наиболее широкие и в полной мере объективные принципы, пути и методы познания всех проявлений исторического развития и позволяет дать им объяснение, соответствующее их внутренней природе. Важнейшую роль в этом отношении играет и марксистский историзм.

С другой стороны, еще раз подтверждено, что не может быть никакой научной истории без философии, что успехи в развитии тех или иных направлений в историографии определяются характером той теории и методологии исторического познания, на которые они опираются.

Для советских историков и вообще историков-марксистов это положение является бесспорной истиной. Все более очевидным становится оно и для многих историков, не признающих марксизма. Об этом, в частности, свидетельствует широкое обсуждение проблем теории и методологии исторического познания на международных конгрессах, конференциях и встречах, а также все более громко высказываемая неудовлетворенность состоянием теоретической и методологической основы современной буржуазной историографии и призывы к поискам в этом направлении. Известную роль в возбуждении интереса к проблемам теории и особенно методологии играет все более широкое распространение в буржуазной исторической науке структурализма и обращение к новейшим (количественным и машинным) методам исследования. Позицию в этом отношении определенных кругов буржуазных историков можно выразить словами французского историка Ж. Шнейдера, который в докладе на Московском международном конгрессе исторических наук³ подчеркивал, что «в области исторических исследований обращение к машинам будет играть прогрессивную роль в том случае, если оно будет сопровождаться исследованиями в

* Систематическое изложение основных итогов развития советской исторической науки в последние годы дано в работе «Развитие советской исторической науки. 1970—1974» (М., 1975).

области методологии, которые должны иметь доминирующее значение»^{*}.

Однако хотя позитивистские призывы к деидеологизации науки и отрицанию роли теории и оказались в определенной мере подорванными, но не настолько, чтобы на них можно было не обращать внимания. Свидетельство тому — широкое распространение эмпиризма в буржуазной историографии, который является неизбежным практическим следствием методологии позитивизма.

Доказав всем ходом своего развития и его конкретными результатами определяющую роль теории и методологии в историческом познании, советская историография тем самым убедительно опровергла и широко распространенные в буржуазной социологии и историографии ошибочные утверждения о якобы несовместимости объективности и партийности в исторической науке, о возможности будто бы внепартийных исторических исследований. Марксисты давно показали, и в этом особенно велика заслуга Ленина, что подобные утверждения и призывы лишь маскируют партийность их сторонников. Это признают и некоторые буржуазные ученые. Так, на том же Московском конгрессе канадский историк А. Дюбюк указывал, что маскируемое призывом к объективности исследования «положение об исчезновении идеологий есть наиболее идеологическое из всех прочих» и «противоречит развитию науки»^{**}.

Весь опыт развития исторической и других наук, как это раскрыто в советских исследованиях по истории отечественной и зарубежной исторической науки^{***}, показывает, что сама по себе партийность не противоречит объективности. Все зависит от характера этой партийности. Поскольку партийность всякой теории и методологии выражается в стратегии ими определенных классовых интересов, постольку их объективность зависит от степени соответствия этих интересов объективному ходу исторического развития. Этим соответствием и определяется то, в какой мере данный класс или социальный слой заинтересован в раскрытии объективного смысла и хода исторического развития, а следовательно и то, насколько теория и методология, выражающие интересы этого класса или слоя, допускают возможность объективного познания исторической действительности, т. е. в какой мере методология позволяет всесторонне подойти к объекту познания и применить весь возможный арсенал принципов, путей и методов его

^{*} Шнейдер Ж. Машина и история. XIII Международный конгресс исторических наук. М., 1970. С. 10.

^{**} Дюбюк А. История на перекрестке гуманитарных наук. XIII Международный конгресс исторических наук. М., 1970. С. 11.

^{***} Фундаментальными исследованиями в этой области являются «Очерки по истории исторической науки в СССР» (т. I—IV). М., 1955—1963, «Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки» (т. I—II). М., 1977 и многие другие работы.

изучения, а теория допускает возможность адекватного действительности раскрытия сущности исследуемых явлений и процессов.

С этой точки зрения итоги развития советской исторической науки неопровержимо свидетельствуют, что той теорией и методологией исторического познания, в которых открытая и боевая партийность в полной мере сочетается с объективностью, является марксизм. Марксизм — идеология того единственного в истории класса, интересы которого на протяжении всей его истории полностью соответствуют ходу исторического развития. В обществе победившего социализма интересы рабочего класса совпадают и с интересами других классов и социальных слоев (крестьян и интеллигенции). Поэтому идеология рабочего класса становится идеологией всего общества, что особенно ярко проявляется в нашей стране в современную эпоху, на стадии развитого социализма.

Говоря об объективности и партийности исторической науки, следует отметить несостоятельность утверждений о том, что советские историки якобы догматики, следуют принципам марксизма, а неизменность основных из этих принципов будто бы является аргументом против них.

Прежде всего необходимо сказать, что противники марксизма глубоко заблуждаются, принимая стабильность общих принципов марксистской теории и методологии научного, в том числе и исторического, познания за его слабость и характеризуя калейдоскоп буржуазных теорий исторического познания как якобы его сильную сторону. В действительности все обстоит наоборот. История науки показывает, что отказ от одних теорий и методов и переход к другим всегда происходил по мере того, как обнаруживалась несостоятельность или ограниченность этих теорий и основанной на них методологии, а обилие теорий и методов является признаком не силы, а слабости научного познания. Наибольший вклад в развитие науки вносят только те теории и та методология научного познания, которые выдерживают испытание временем, общественной, в том числе и научной, практикой, что делает их основные принципы стабильными.

То, что марксистская теория и методология научного познания выдержала более чем столетнюю проверку временем — убедительное свидетельство ее правильности и силы.

Хорошо известно и то, что марксизм, в том числе и марксистская теория и методология исторического познания, сохраняя свои общие принципы и положения, непрерывно конкретизирует и обогащает их достижениями науки. Развитие советской исторической науки всегда характеризовалось интересом к изучению проблем теории и методологии. Интерес к этим проблемам особенно возрос в последнее время, когда ставится задача проведения фундаментальных комплексных исследований, широко вовлекаются в научный оборот различного рода массовые данные, внедряются новые (в том числе количественные и машинные) методы исследова-

дования и обострилась борьба по методологическим проблемам в международной исторической науке.

Историки, в отличие от философов, разрабатывают теоретические и методологические проблемы на специально-научном (применительно к исторической науке в целом) и конкретно-проблемном уровнях (применительно к изучению отдельных сторон и явлений исторического развития).

Внимание советских историков привлекают вопросы о месте истории в системе наук и особенностях объекта и методов исторического познания, об общесоциологических и исторических закономерностях, о возможном и действительном и о месте альтернативности в историческом развитии и исторической науке, о методологических проблемах исторического источника и исторического факта, о соотношении методологии, методики и техники в историческом исследовании, о количественном подходе к историческим явлениям и их моделированию, о проблемах доказательности и критериях истинности исторических знаний, о роли понятийного и категориального аппарата в историческом исследовании и многие другие. Все эти вопросы освещаются в монографиях и многочисленных статьях и широко обсуждаются на различных конференциях, симпозиумах и коллоквиумах*. Вместе с тем следует отметить, что изучение конкретных проблем теории и методологии исторической науки, которые разрабатываются советскими историками на основе общих принципов исторического и диалектического материализма и обогащают их содержание, еще требует дальнейшей активизации.

Таковы некоторые общие теоретико-методологические итоги развития советской исторической науки на современном этапе, которые следует отметить прежде, чем переходить к проблемам историзма и его воплощению в советской историографии.

* * *

В дальнейшем изложении мы коснемся ряда принципов марксистского историзма через призму их конкретного воплощения в советской историографии, т. е. рассмотрим, в какой мере современные итоги развития советской исторической науки подтверждают справедливость этих принципов и их практически-научную эффективность.

Историзм как метод научного мышления является важнейшей стороной марксизма. Он органически присущ марксистской теории и методологии научного познания, поскольку отражает тот

* Среди многочисленных работ по вопросам теории и методологии исторической науки следует прежде всего отметить сборник «Методологические и историографические вопросы исторической науки» (вышло 11 выпусков), издаваемый под редакцией А.И. Данилова Томским университетом.

объективный факт, что реальные явления природы и общественной жизни находятся в процессе изменения, закономерного и внутренне обусловленного развития. Поэтому Маркс и Энгельс и указывали, что «мы знаем только одну единственную науку, науку истории»*. Подчеркивая объективную основу историзма как неотъемлемой стороны теории и методологии исторического познания, Энгельс писал: «С чего начинается история, с того же должен начинаться и ход мыслей, и его дальнейшее движение будет представлять собой не что иное, как отражение исторического процесса в абстрактной и теоретически последовательной форме; отражение исправленное, но исправленное соответственно законам, которые дает сам действительный процесс»**.

Понимание историзма как выражения объективных свойств реальности, а не как чисто гносеологической категории, позволило марксизму разработать стройную систему его принципов, что подняло историзм на качественно новый уровень и сделало в полной мере научным. Сжато и четко марксистские принципы историзма применительно к явлениям общественной жизни были сформулированы Лениным. Чтобы не затеряться в частности, указывал Ленин, надо «не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»***.

Обобщая, Ленин подчеркивал, что «весь дух марксизма, вся его система требуют, чтобы каждое положение рассматривалось лишь (а) исторически; (б) лишь в связи с другими; (с) лишь в связи с конкретным опытом истории»****.

Следовательно, историзм как методологический принцип марксистской исторической науки любое явление общественной жизни требует изучать: в о - п е р в ы х, в его возникновении, изменении и развитии, т. е. с учетом основных этапов этого развития и их качественного своеобразия, закономерностей и движущих сил процесса; в о - в т о р ы х, в связи с другими явлениями и условиями эпохи, т. е. с учетом того, что всякое явление и процесс представляют собой лишь элементы общественной структуры и ее динамики; в - т р е т ь и х, в связи с конкретным опытом истории, т. е. с учетом единства, преемственности и поступательности общественного развития, в котором прошедшее и будущее тесно связаны.

* Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 16 (примечание).

** Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. Т. 1. М., 1955. С. 332.

*** Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 67—68.

**** Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 329.

Основным конкретно-научным и методологически-теоретическим итогом приложения принципов марксистского историзма к изучению хода общественного развития явилось убедительное раскрытие того, что это развитие представляет собой естественно-исторический процесс смены общественно-экономических формаций. Следует подчеркнуть, что учение о формациях, ставшее важнейшим принципом марксистской методологии исторического познания, возникло не в результате чисто абстрактных теоретических построений, как утверждают многие буржуазные социологи и историки, а как обобщение анализа конкретного хода исторического развития с позиций материалистического и диалектического историзма. Поэтому учение о формациях является не просто гносеологическим принципом, а прежде всего важным конкретно-научным итогом, отвечающим всем требованиям научной теории, проверенной как общественной, так и научной практикой.

В данном случае нет необходимости подробно говорить о том, как ход истории в двадцатом столетии блестяще подтвердил вывод марксизма о неизбежном возникновении социализма.

С другой стороны, итоги развития советской исторической науки убедительно свидетельствуют о высокой научной эффективности формационного подхода при изучении конкретного хода общественного развития и его превосходстве сравнительно с принципами других видов историзма.

Во-первых, формационный подход позволяет выделить основные качественно единые эпохи в ходе исторического развития и показать поступательно-прогрессивный ход этого развития. Общественно-экономические формации представляют собой сложные качественно-цельные системы, охватывающие всю совокупность явлений общественной жизни. Объективно-историческая смена этих систем и выражает поступательно-прогрессивный ход исторического развития. Тем самым исключается возможность абсолютизации простых изменений и релятивистского подхода к исторической действительности, а также субъективного вычленения различных этапов, их модернизации или архаизации, пессимистической или неоправданно оптимистической практики общественного развития, что имеет широкое распространение в буржуазной историографии.

Во-вторых, формационный подход не только позволяет выделить основные этапы поступательно-прогрессивного развития человечества, но и раскрыть его основные движущие силы и внутренний механизм.

Как хорошо известно, величайшей заслугой марксизма, тесно связанной с последовательным проведением принципов историзма, является то, что удалось выделить ту сторону общественной жизни, которая, во-первых, выражает объективно-закономерный характер исторического развития и, во-вторых, оказывает определяющее воздействие на все другие его аспекты, придавая им внут-

ренную обоснованность. Такой стороной является материальная, производственная деятельность людей. Она непрерывна, как сама жизнь, наиболее массова по своей природе, ее элементы обладают свойством повторяемости, а характер ее не может быть изменен вдруг, лишь на основе субъективных устремлений тех или иных социальных групп и слоев и даже целых классов. Всем этим и обусловливается объективно-закономерная природа социально-экономического развития общества и определяющее его воздействие на другие стороны общественной жизни.

Выделив базисную сферу общественной жизни и раскрыв ее суть, марксизм тем самым сделал очевидной решающую роль народных масс в историческом развитии и показал, что в антагонистических формациях движущей силой этого развития является классовая борьба, которая представляет собой фактическое социальное проявление антагонизма классов в области производственных отношений. Классовые интересы и классовая борьба выступают в роли приводных рычагов от социально-экономического базиса к политически-правовой и культурно-идеологической надстройке и придают не только ее массовым, но и индивидуальным явлениям социальный смысл, т. е. приводят разнообразные явления надстройки в определенную систему.

Таким образом, материалистический монизм и диалектический метод марксизма, вытекающие из последовательного историзма, позволяют раскрыть коренные движущие силы исторического развития и его внутренний механизм. Тем самым был сделан революционный переворот в теории и методологии исторического познания и исторической науке.

В-третьих, признание марксистским историзмом определяющей роли в историческом развитии социально-экономического базиса не только не исключает, но и требует при выделении исторических эпох (формаций) и внутренних этапов в их развитии учета всей совокупности явлений общественной жизни. Тем самым марксистский историзм и его основное выражение — формационный подход не только допускают, но и предполагают всестороннее рассмотрение объекта исторического познания.

Ленин, характеризуя «Капитал», указывал, что Маркс создал работу, «которая показала читателю всю капиталистическую общественную формацию как живую — с ее бытовыми сторонами, с фактическим социальным проявлением присущего производственным отношениям антагонизма классов, с буржуазной политической надстройкой, охраняющей господство класса капиталистов, с буржуазными идеями свободы, равенства и т.п., с буржуазными семейными отношениями»^{*}.

Между тем все попытки выделения исторических эпох и этапов общественного прогресса в буржуазном историзме (будь то, напри-

^{*} Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 139.

мер, идеалистическая теория культурно-исторических типов или вульгарно-материалистическая теория стадий экономического роста) основывались на учете лишь какой-либо одной реальной или даже мнимой стороны общественного развития. Подобный историзм является весьма ограниченным, либо вовсе неосуществимым. Что же касается общего подхода к объекту исторического познания, то здесь, как правило, внимание также акцентируется только на тех или иных его сторонах (например, на индивидуальном и неповторимом — в событийной историографии, на структурах — в структурализме, непрерывности изменений — в релятивизме и т. д.). На самом же деле в объективной исторической действительности событие, структура и развитие тесно взаимосвязаны. Всякое историческое событие, с одной стороны, несет в себе элементы специфического и неповторимого, а с другой — общего и повторяющегося, тесно связанного со структурой и развитием. Далее, всякая общественная структура не только обладает некоей определенностью, но и в процессе функционирования неизбежно включает в себя элемент движения и развития. Наконец, процесс изменения и развития не просто динамичен, но имеет и свою структуру. Поэтому правомерен только целостный подход к объекту исторического познания. Он позволяет рассмотреть не изолированно, а в единстве и противоположности единичное и общее, случайное и закономерное, статику и динамику и т. д.

С другой стороны, в историческом развитии при определяющей роли социально-экономического базиса огромное значение имеют и явления надстроечные, а также условия природной среды, этнические факторы, внешние явления и др. В силу этого, во-первых, один и тот же экономический базис «может обнаруживать в своем проявлении бесконечные вариации и градации»* и, во-вторых, на базис оказывают обратное воздействие явления надстройки и «в конце концов экономическое движение, как необходимое, прокладывает себе дорогу сквозь бесконечное множество случайностей»**.

Таким образом, учение о формациях и формационный подход дают возможность охватить ход исторического развития во всей его сложности и многообразии, наиболее адекватно отразить историческую действительность.

Изучение истории общественно-экономических формаций — важнейшая задача советской исторической науки. В этом отношении достигнуты, особенно в последний период, значительные успехи. В центре внимания, естественно, находилось исследование социально-экономического базиса — производительных сил и особенно производственных отношений — различных формаций в период их генезиса, расцвета и кризиса. Наибольший интерес у со-

* Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. 2. С. 354.

** Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 28. С. 245.

ветских историков вызывает изучение переходных эпох от одной формации к другой — от первобытно-общинного строя к рабовладельческому и феодальному, от феодализма к капитализму и от капитализма к социализму. Это наиболее сложные исторические эпохи, когда наиболее явственно обнаруживается объективный характер исторического прогресса и определяющая роль в нем социально-экономического развития, а столкновение старого и нового достигает особой остроты. Все эти процессы и явления охарактеризованы в десятках фундаментальных работ, основанных на всестороннем анализе обширного конкретно-исторического материала.

Наряду с освещением явлений и процессов социально-экономического развития, показом положения и решающей роли в этом развитии трудящихся масс (крестьянства, ремесленников и рабочих) широко исследуется классовая борьба в эпоху феодализма и период капитализма и конкретно раскрывается ее значение как движущей силы общественного прогресса. Советские историки убедительно показали, что при несомненно объективном характере этого прогресса и определяющей роли в нем социально-экономического развития поступательно-прогрессивное движение общества отнюдь не происходит автоматически. Социально-экономическое развитие, во-первых, испытывает на себе воздействие других явлений общественной жизни, которые ускоряют или тормозят это развитие, и, во-вторых, лишь создает предпосылки, необходимые для перехода к новой стадии развития. Темпы же и полнота реализации этих предпосылок, характер перехода к новому строю зависят от активности борьбы тех общественных сил, которые заинтересованы в упразднении старого и переходе к новому. А эта активность в свою очередь определяется многими факторами и складывается из целого ряда компонентов (уровень самосознания масс, их сплоченность и организованность, наличие авангарда сил, возглавляющих борьбу, и т. д.).

Марксизм исходит из того, что историческая действительность есть «не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека»*.

В этой связи следует отметить, что развитие советской исторической науки на современном этапе характеризуется тенденцией к расширению фронта исследований, ростом внимания к изучению тех явлений общественной жизни, которые надлежащим образом еще не исследованы (история культуры, общественное самосознание, включая такую его форму как социальная психология, история семьи и другие). Обращает на себя внимание и увеличение числа работ, выполненных в историко-биографическом жанре.

Несомненные достижения современной советской историографии в изучении общественно-экономических формаций, их гене-

* Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 2. С. 102.

зиса, расцвета и разложения, закономерностей и внутреннего механизма их развития, соотношения в этом развитии базисных и надстроечных явлений не исключают того, что многие конкретно-исторические проблемы истории формаций еще не изучены должным образом и по ним ведутся весьма оживленные дискуссии. Так, например, идут споры о роли рабовладения при переходе восточных славян от первобытно-общинного к феодальному строю, о факторах, обусловивших переход к крепостнической стадии в развитии феодальной формации в России, о времени начала генезиса капитализма, о двух путях («прусском» и «американском») развития аграрного капитализма после отмены крепостного права в 1861 г., о так называемом азиатском способе производства и по другим вопросам. Эти споры обусловлены тем, что еще не выявлена роль основных факторов, определявших специфику развития тех или иных сторон исторического развития в те или иные периоды времени.

В целом же успехи советской исторической науки убедительно подтверждают высокую объективность и научную эффективность принципов марксистского историзма.

* * *

Принципы марксистского историзма позволяют глубоко и объективно решить и ряд других важных проблем исторической науки. Обратим внимание на те из них, которые связаны с историческим источником и методами исторических исследований. Как хорошо известно, понимание сущности исторического источника и оценка возможностей исторических источников в плане объективного отражения ими исторической действительности давно привлекают внимание историков, и в решении этих вопросов высказываются различные мнения. Диапазон этих мнений предельно широк — от наивно-реалистической идеализации источников представителями ранней позитивистской историографии до полного отрицания возможности извлечения из источников каких-либо объективных данных, присущего направлениям историографии, берущим свое начало от неокантианства и получившим свое предельное выражение в презентизме.

Марксистская теория и методология исторического познания и присущие этому познанию принципы историзма дали возможность убедительно решить вопрос о том, насколько исторические источники (имеется в виду их корпус в целом, а не отдельные типы и виды) адекватно отражают историческую действительность, т. е. в какой мере в источниках субъективная основа их происхождения соотносится с объективностью их содержания. Марксистские принципы историзма требуют рассматривать источник как явление исторической действительности. А это значит, что субъективный характер источников не исключает объективности их содержания. Обоснованность такого подхода к источникам

доказана всей практикой развития советской исторической науки. Эта практика показала, что критический анализ источников, имеющий своей главной целью выяснение соотношения в них субъективного и объективного, позволяет применительно к любым типам и видам источников установить это соотношение, а следовательно и выявить степень адекватности отражения источниками исторической действительности.

Указанный подход нашел неоспоримое подтверждение в современном учении об информации. В свете этого учения очевидно, что источники представляют собой не нечто, создававшееся современниками на потребу последующих поколений, а являются носителями информации, которая была необходима для удовлетворения тех или иных практических потребностей. Без такой информации невозможно нормальное функционирование общества на любой стадии его развития. Поэтому ни субъективность в подходе к сбору и обработке этой информации, ни ограниченность возможностей ее получения не исключают объективности ее содержания. В противном случае информация не могла бы быть основой для осуществления в обществе функций общения, регулирования и управления, научно-познавательной и просветительно-воспитательной деятельности. Поэтому любое общество в пределах тех потребностей, которые в нем существовали, и тех возможностей, которыми оно располагало, всегда должно было иметь объективную информацию о своей эпохе и при всех субъективных отклонениях так или иначе получать такую информацию. Важно и то, что субъективное воздействие на информацию проявлялось не столько при ее выявлении, сколько при обработке и особенно интерпретации.

Марксистский историзм дал возможность выявить еще одно важнейшее свойство источников, а именно неисчерпаемость их содержания в плане характеристики исторической действительности. Поскольку все явления действительности находятся в многообразной взаимосвязи, постольку при объективном характере источников эти взаимосвязи так или иначе отражаются в них.

Это свойство исторических источников также находит свое обоснование в учении об информации. С точки зрения этого учения очевидно, что все носители информации, в данном случае исторические источники, наряду с непосредственно выраженной содержат и информацию скрытую. Объективной основой появления такой информации является широкая взаимосвязь в объективной действительности явлений и процессов, их свойств и черт. Поэтому творцы источников наряду с целенаправленной и сознательно извлекаемой и потому непосредственно выраженной информацией об этих явлениях и процессах неизбежно фиксировали и информацию, непосредственно не выраженную и в этом смысле скрытую. Понятно, что эта информация в наименьшей мере подвергалась субъективным искажениям. Особенно большой объем скрытой информации содержат всякого рода массовые исторические источники, т. е. источники, содержащие данные о тех или иных совокуп-

ностях объектов, образующих различные общественные системы с присущими им структурами.

Таким образом, марксистские принципы историзма, позволившие решить кардинальные проблемы исторического источника в том звене этих проблем, которое характеризует линию «действительность — источник», нашли свое конкретное обоснование в практике советской историографии и попутно убедительное подтверждение в учении об информации, которое является блестящим достижением современной науки.

Важнейшей методологической и прикладной задачей исторической науки всегда были поиски наиболее эффективных конкретных методов исторического исследования. В плане источниковедческом эта задача является центральной в звене «источник и историк». Суть проблемы сводится к поиску методов извлечения из источников, обработки (подачи) и анализа конкретно-исторических данных об изучаемых явлениях и процессах.

В немарксистских направлениях исторической науки в решении этой задачи господствующим был и остается подход, при котором приемлемым признается один из методов, что неизбежно приводит к его абсолютизации. Так, для событийной историографии характерна приверженность к описательному или как его еще называют собственно историческому методу. В структуралистской историографии абсолютизируются структурно-количественные методы и основанное на них моделирование*.

Принципы марксистского историзма, требующие учета всего многообразия исторической действительности, широкого и неограниченного подхода к объекту исторического познания, обусловили и последовательно научное решение вопроса о методах исторического исследования. Суть марксистского подхода состоит в том, что ни один из методов не рассматривается как универсальный, ибо каждый из них имеет лишь определенный диапазон эффективного действия. Поэтому методы исторического исследования нельзя противопоставлять и абсолютизировать. В каждом конкретном случае должен применяться тот метод (или их совокупность), который позволяет наиболее широко и глубоко, т. е. объективно и адекватно раскрыть суть исследуемых явлений и процессов. Интересы успешного развития исторической науки требуют совершенствования методов исследования, обогащения их арсенала. В этом направлении и ведут работу советские историки, и для них чужды споры и дискуссии, имеющие своей целью обосновать правомерность использования лишь тех или иных методов, что характерно для немарксистской историографии.

В советской исторической науке показано, что разнообразные конкретные методы исследования могут быть, с точки зрения их

* См. подробнее: Ковальченко И.Д., Сивачев Н.В. Структурализм и структурно-количественные методы в современной исторической науке // История СССР. 1976. № 5.

основных принципов, сведены к трем типам: генетически-исторический (или собственно исторический), историко-сравнительный и историко-структурный. Каждый из них имеет свои сильные и слабые стороны и опирается на тот или иной арсенал методических и технических средств и имеет более или менее разработанный научно-понятийный аппарат. Например, генетически-исторический метод позволяет всесторонне выявить многообразие черт и свойств явлений и объектов и проследить их эволюцию, но он чреват опасностью преувеличения роли частных и затушевывания основного, абсолютизации изменений, т. е. релятивизма. Сильной стороной структурно-исторического метода является возможность выделения основного, раскрытия взаимосвязей, количественного измерения, но он может привести к чрезмерной формализации и абстрагированию.

Говоря о методах исторического исследования, следует отметить неправомерность часто встречающегося противопоставления качественного и количественного анализа. В действительности всякий анализ непременно имеет качественный, т. е. сущностно-содержательный аспект. С другой стороны, он всегда опирается на ту или иную информацию об исследуемых явлениях и процессах, которая выявляется и подается определенными способами и имеет свою форму. Эти способы и формы делятся на нарративные (описательные) и количественные. Поэтому со стороны содержания и формы анализ может быть либо качественно-описательным либо качественно-количественным, и сопоставлять надо не качественные и количественные, а описательные и количественные методы.

Как видим, марксистский историзм не только позволяет широко, научно, последовательно и объективно подходить к объекту исторического познания и определять принципы, пути и основные звенья его изучения, но и обоснованно решать вопросы об объективности информационной основы исторического познания и эффективности конкретных методов исторического исследования.

* * *

Рассмотренные вопросы, связанные с принципами марксистского историзма, разумеется, далеко не исчерпывают всех его проблем. В докладе в самом сжатом виде обращено внимание на те из них, которые в силу тех или иных причин представляются в данном случае наиболее существенными и актуальными.

В заключение отметим, что, опираясь на марксистскую теорию и методологию исторического познания с присущими им принципами последовательного историзма, советская историческая наука успешно решает свои две основные задачи. Энгельс, оценивая материалистический и диалектический подход к изучению истори-

ческого развития сравнительно с другими методами, указывал, что: «всю историю надо начать изучать заново»*. Выполнение этой задачи выпало на долю советской исторической науки. Сейчас можно сказать, что эта сложная задача в основном решена.

Историческая наука, как и всякая другая наука, имеет свои важные социальные функции. Они состоят в решении научно-познавательных и образовательно-воспитательных задач. Советские историки успешно решают и эти задачи, о чем и свидетельствует то высокое признание, которым пользуется в нашей стране историческая наука.

Об успехах развития советской исторической науки на современном этапе говорит и непрерывный рост ее влияния в мировой исторической науке.

Машинопись, без подписи.

Заключительное слово⁴

Широкий круг вопросов, которые возникли в связи с обсуждением проблем историзма и, в особенности в связи с оценкой реферата проф. Сахарова⁵ и моего доклада, можно разделить на три группы. Первая группа вопросов не имела непосредственного отношения к проблеме историзма. Это были вопросы, в которых речь шла об оценке исторических событий в отдельных странах. Однако поскольку эти оценки были сделаны в связи с обсуждением конкретных исторических работ, они имеют отношение к нашей дискуссии, даже если в них не затрагивается проблема историзма.

Вторая группа конкретных исторических вопросов, которые здесь были поставлены, вообще не имеет отношения к нашей дискуссии. Я имею в виду такие априорно-декларативные оценки событий в истории нашей страны и других стран, о которых доложил проф. Шайберт. Могу лишь сказать, что я не согласен с его оценками, например, пролетариата в России, предпосылок революции, а также некоторых других вопросов. Но я думаю, что нет необходимости подробно касаться здесь этих вопросов. Полагаю, что проф. Шайберт вряд ли всерьез утверждает, что в России в 1917 г. не было пролетариата.

Значительно важнее и интереснее вопросы, которые возникли в связи с оценкой некоторых историографических произведений. В центр нашего внимания выдвинулась история фашизма, очень интересная и чрезвычайно важная проблема. Я полагаю, что г. проф. Момзен не совсем верно понял высказывание проф. Туполева⁶ будто, по мнению советских историков, в изучении истории фашизма все сделано. Много сделано, но многое предстоит еще сделать — и не только советским, но и прежде всего также

* Маркс К., Энгельс Ф. Избранные письма. М., 1953. С. 421.

немецким историкам. Я должен сказать, что советские историки в целом позитивно, я бы даже сказал, высоко оценивают исследования немецких историков, связанные с этой проблемой. Я не специалист по истории Германии и не занимался специально немецкой литературой по этой проблеме, но даже мне известно, что немецкие историки в этом отношении стоят на иных позициях, чем многие американские авторы. Даже я знаю, что немецкие историки в этом отношении сделали очень много. Однако следует двигаться дальше.

Вторая группа вопросов непосредственно связана с рефератом, который я представил. Здесь я хотел бы прежде всего ответить проф. Штёклю, который затронул две проблемы: одна связана с возникновением историзма в русской исторической науке в XIX в., другая — с изучением советскими историками истории социально-экономических формаций и в особенности такого важного явления, как процесс перехода от феодализма к капитализму.

Что касается первого вопроса, проф. Штёкль обратил внимание (я признаю справедливость его замечания), что при устном изложении реферата проф. Сахарова я сосредоточился главным образом на понимании проблемы историзма в историографии XIX в., а не рассмотрел проблему шире. Я сделал это намеренно, т. к. в письменном тексте реферата проф. Сахарова эта проблема рассматривается шире. Конечно (здесь я также согласен с проф. Штёклем), проблема историзма, равно как и проблемы теории и методологии исторической науки, выходят за рамки истории науки отдельных стран. Проф. Сахаров вполне справедливо указывает в реферате на тесную связь развития историзма в России и в Германии. Но, как известно, многие идеи историзма, многие теоретические и методологические проблемы исторической науки, которые были подняты в широком историко-философском контексте XIX в., получили широкий международный, я бы сказал, универсальный резонанс. Конечно, Россия не составила исключения в этом отношении. В целом подобная постановка вопроса бесспорна, однако мне казалось важным подчеркнуть это при устном изложении содержания реферата.

Второй вопрос — скорее не вопрос, а выступление проф. Штёкля — затрагивает чрезвычайно сложную и актуальную проблему советской историографии — проблему перехода от феодализма к капитализму. Проф. Штёкль при этом коснулся проблемы, которая у нас, в советской историографии, обозначается понятием «многоукладность». Речь идет о том, что уже на стадии перехода от феодализма к капитализму внутри феодального порядка возникают не только отдельные элементы, но уже система капиталистических отношений. Т. е. фактически существует известный период, в течение которого различные системы социально-экономических отношений или, как мы говорим, различные подсистемы (уклады) как-то сосуществуют (возможно, это не лучший термин). По моему мнению, здесь следует говорить не о моментах,

в которые некоторые формации существуют одновременно рядом друг с другом, но о том, что внутри феодальной формации на переходной стадии от феодализма к капитализму — и не как какие-то спорадические элементы, но как длительная система — возникали капиталистические отношения. Возможно, я не совсем правильно понял проф. Штёкля, когда он назвал сочинение академика Черепнина, но отказа от этой точки зрения в советской историографии нет — отказа от существования исторических периодов, которые многоукладны по своей социально-экономической структуре. Мы однозначно признаем существование рядом друг с другом подобных подсистем. Это все, что касается конкретных вопросов по теме моего реферата.

Следующая группа вопросов касается, я бы сказал, кардинальной проблемы историзма и кардинальной проблемы теории и методологии исторического познания вообще. Ее затронул, прежде всего, проф. Эрдман в своем докладе, может быть несколько менее развернуто о ней говорил проф. Борхардт. На этом вопросе я хотел бы остановиться.

Но прежде я хотел бы высказать свое мнение об общем ходе нашей дискуссии. Мне кажется, что эта дискуссия была очень продуктивна и конструктивна в том смысле, что по целому ряду важных в понимании существа историзма вопросов выявилось единство в определении основных предпосылок их изучения. Мои советские коллеги и я в последние годы неоднократно принимали участие в обсуждении теоретических и методологических проблем исторической науки как на различных международных съездах и конференциях, так и у нас дома, а также при встречах с нашими зарубежными коллегами. И я должен сказать, что те дебаты, которые мы сейчас ведем здесь, в Мюнхене, по моему личному мнению, и я думаю, [что] это мнение всех членов советской делегации, в высшей степени плодотворны. Во-первых, все участники дискуссии исходили из того, что историзм является одним из основных принципов теории и методологии исторического познания. Историзм — это не что-то такое, что стоит позади этого теоретического и методологического принципа (есть, между прочим, и такие мнения), историзм — органически составная часть этих принципов. Это очень важный момент для конструктивного обсуждения вопроса.

Второй важный результат заключается, по моему мнению, в том, что все участники дискуссии — я думаю, что я здесь не ошибаюсь, — исходили из того, что историческая наука, как и наука вообще, не может существовать без определенной теории и методологии. Достаточно известно, что имеются точки зрения, которые призывают к отказу от теории. Мы здесь все исходим, я думаю, из того, что ни история, никакая другая наука не может существовать без определенной теории и методологии. Это важный конструктивный момент, который позволяет вести плодотворную дискуссию.

Третий момент, который здесь обнаружился и в отношении которого, как мне кажется, в целом господствует достаточно единое мнение, состоит в том, что принципы историзма и теоретические и методологические принципы исторического познания тесно связаны между собой, они взаимозависимы и развиваются вместе с изменением хода исторического развития в зависимости от исторических обстоятельств. Это также очень важный момент, который способствует продуктивности нашей дискуссии.

И, наконец, я хотел бы упомянуть еще об одном моменте. Все выступавшие, по моему мнению, признают принцип — и, мне кажется, по этому вопросу мы достигли известного взаимопонимания — что точка зрения историка социально обусловлена. Иными словами, в целом эта точка зрения партийна в широком, именно социальном, а не узком смысле. Я считаю, что это очень важные конструктивные результаты, которые в значительной мере определяют продуктивность нашей дискуссии.

Но, конечно, обнаружился и ряд вопросов, по которым отсутствует единство, которое способствовало бы их дальнейшему обсуждению. Что касается этих вопросов, то, по моему мнению, задача дискуссии состоит в том, чтобы обе стороны, так сказать, огласили свои позиции, и в этом смысле я хочу изложить марксистское понимание некоторых здесь возникавших принципиальных и кардинальных вопросов теории и методологии исторического познания и историзма.

Возникшие в связи с этим вопросы я бы разделил на два типа. Во-первых, есть вопросы, которые касаются понятия собственно объекта исторического познания: что такое историческое прошлое, в чем состоит специфика объекта исторического познания и каковы его наиболее существенные признаки?

Второй тип вопросов затрагивает сам процесс познания: как можно исследовать этот объект и его специфическое своеобразие?

Что касается первого вопроса об объекте исторического познания, я должен еще раз вернуться к моему реферату — я сожалею, что текст не был переведен и участники дискуссии не имели возможности с ним ознакомиться, в устном же выступлении я, конечно, не мог изложить содержание реферата полностью. Центральным здесь является следующий вопрос: в какой мере этот объект исторической науки, или общественная жизнь, историческое прошлое и общественное развитие могут рассматриваться как объективные явления. Если мы их называем «естественно-историческими» — проф. Нарочницкий уже говорил об этом⁷ — это не означает, что мы отождествляем общественную жизнь с естественными процессами. «Естественный» — означает «объективно исторический».

В этом объекте соединяются, с одной стороны, объективность развития и, с другой — проявляющееся наличие субъективного принципа, субъективного момента в творческой и персональной деятельности человека. Если я правильно понял г. проф. Эрдмана,

вопрос здесь ставится следующим образом: как эта объективность соединяется со свободой участников этого процесса? Итак, прежде всего следует сказать, что в существовании этих субъективных компонентов в объекте исторического познания заключается главное отличие общественных явлений от явлений естественных. Отличие это на первый взгляд может показаться не особенно существенным, но в действительности оно является радикальным. Оно указывает, что объект исторического познания много сложнее, чем объект познания в естественных науках. Главное отличие между объектом исторической науки и вообще общественных наук и объектом познания естественных наук состоит именно во взаимосвязи объективного и субъективного. Что касается этой взаимосвязи, то с точки зрения марксизма очевидно, что ход общественного исторического развития объективен, объективен потому, что — и это подтверждает история — никакому социальному слою, никакой группе или классу, не говоря уже об отдельных людях, никогда не удавалось и не удастся направить ход этого развития по своему желанию. Этот ход определяет в конечном итоге совокупность факторов. Итак, как же обстоит дело со свободой человека? По-моему, на этот вопрос хорошо ответил Гегель, сказав, что свобода разумна тогда, когда она необходима. При рассмотрении этой проблемы Энгельс сказал, что человечество, общество ставит перед собой лишь такие задачи, для реализации которых созрели объективные материальные условия. Отдельные люди могут придумать всевозможные проекты преобразования общества, но это фантазии и утопии. А общество как объединенный коллектив обладающих разумом людей, конечно, всегда, когда оно определяет задачи своего развития, должно считаться с условиями, с возможностями, в которых оно существует. Все мы живем в определенную историческую эпоху. Многие из нас хотели бы, чтобы в эту эпоху кое-что было не так, как есть, но это не так просто все изменить по нашему желанию.

Это что касается вопроса об объекте. Гораздо сложнее и важнее, по моему мнению, вопросы, касающиеся познания объекта, возможностей его познания. Одна из кардинальных проблем здесь была сформулирована в нашей дискуссии проф. Эрдманом. Это проблема, в какой мере мы, историки, в состоянии познать прошлое, прошедшее, которое в действительности неповторимо и которое мы не можем воспроизвести. Здесь есть разные мнения. Гносеологически суть проблемы в следующем: каждая наука, в том числе и историческая, в конечном итоге является отражением в сознании людей объективной естественной и общественной реальности, которую мы изучаем. Это значит, что важнейшим свойством науки является ее способность к отражению. Ленин очень основательно рассмотрел этот вопрос в своей теории отражения. Процесс познания состоит, как известно, из трех стадий: чувственного восприятия, абстрактного мышления и, наконец, практики как критерия знания. Применительно к прошлому гносеологичес-

кая трудность состоит в следующем: в какой мере мы способны воспринимать прошедшее чувственно? Иными словами, в какой мере мы можем гарантировать начальную, исходную стадию познания — чувственное восприятие? Уже давно существует мнение, что поскольку прошлое отстоит от современности во времени, то мы не можем непосредственно наблюдать его, а значит, история, как и все другие общественные науки, отличается от естественных наук в том смысле, что исследователь не имеет возможности чувственного восприятия объекта познания.

Я должен Вам сказать, что эта проблема дискутируется не только между марксистскими и немарксистскими философами, социологами, историками, она дискутируется и очень важна также среди марксистских историков, философов, социологов. Проблема действительно не простая, и ответ на этот вопрос мог бы звучать так: следует понять, что такое чувственное восприятие, как оно образуется. У нас также есть философы, которые считают, что чувственное восприятие это непосредственное наблюдение и восприятие. Иными словами, в конце концов должен быть контакт с познаваемым объектом. Тем самым восприятие заняло бы свое место в определенных областях естественных наук, но поскольку подобный контакт с далеким прошлым не может быть достигнут, то эти философы считают, что в познавательном процессе в общественных науках, в том числе и в исторической, не возможно возникновение чувственного восприятия. Но есть и другое мнение, с моей точки зрения правильное, которое подтверждается всей современной наукой и теорией. Согласно этому мнению, чувственное восприятие нельзя понимать как непосредственное наблюдение, как непосредственный контакт с познаваемым объектом. Чувственное восприятие есть возникновение представления об определенных чертах и свойствах познаваемого объекта. Совершенно ясно, что исследователь для того, чтобы получить такое представление, должен располагать информацией об этом объекте, о его чертах и свойствах. Эту информацию можно получить различными путями и способами: на основе непосредственного наблюдения или непосредственного контакта с познаваемым объектом, а также без такого контакта, без наблюдения объекта и непосредственного чувственного восприятия. Особенность объекта познания исторического прошлого состоит в том, что наше чувственное восприятие этого объекта происходит не на основе непосредственного наблюдения, а на основе информации, которую дают нам об этом объекте источники. Попутно замечу: и во многих современных естественных науках исследователи не имеют возможности непосредственно чувственно воспринимать объект. Было бы иллюзией считать, что физик может непосредственно наблюдать процессы, происходящие в атомном ядре. Он судит о них также на основе информации. И эта информация также субъективна. Соответствующие аппараты, соответствующие методики, которые позволяют получить эту информацию, — все это является продуктом деятель-

ности человека. Сложность общественных наук состоит в том, что наш объект познания уже субъективирован. Но у нас есть возможность усовершенствовать методы определения достоверности источников и извлечения необходимой информации из этих источников. Поэтому отсутствие возможности непосредственного наблюдения исторического прошлого делает его познание сложным, но не исключает его.

Второй момент — и этим я хочу закончить свой доклад — касается очень важного вопроса: как мы, марксистские историки, понимаем тот процесс, который мы познаем, о котором мы говорим? И особенно: какое влияние оказывает ход исторического развития, как совершенствуются теоретические и методологические представления? Насколько я понимаю, этот вопрос вызывает особый интерес. Он понимается так, что марксисты считают, будто кто-то однажды и навсегда открыл некоторые принципы, сделал заключения и выводы, которые остаются неизменными. В связи с этим часто говорится, что характеристика капитализма, которую Маркс дал во второй половине XIX в. и Ленин в начале XX в., неприменима к современному капитализму. Да, конечно, объект другой. В той мере, в какой черты капитализма конца XIX в. и начала XX в. сохранились до сего дня, мы их используем для характеристики современного капитализма. Однако у капитализма обнаружилось много других черт, и ни один советский марксистский историк не думает, что о современном капитализме следует судить только по аналогии с капитализмом конца XIX в. и начала XX в.

Я хочу вновь напомнить — мы часто говорим об этом и сами основоположники марксистской теории и методологии многократно говорили об этом — что марксизм не дает готовых рецептов и готовых ответов на конкретные вопросы. Марксизм — это теория и метод познания. Поэтому я думаю, что в дальнейшем можно было бы говорить о том, до какой степени теоретические и методологические принципы марксизма дают возможность широкого, глубокого и объективного познания исторического прошлого — и это именно то, что мы утверждаем. В этой связи я хотел бы сказать следующее: западноевропейские историки ассоциируют радикальные переломы в исторической науке со сменой теоретических и методологических принципов, особенно методологических, и с этих позиций они подходят к марксизму. Конечно, смена принципов субъективизма на принципы структурализма — это принципиальное изменение. Переход, скажем, от структурализма к плюрализму — принципиальное изменение. И они не понимают, почему марксисты не совершают подобных сдвигов. Видите ли, теоретические и методологические принципы требуют смены тогда, когда они не дают больше возможности дальнейшего исследования объекта познания. Особенность марксизма состоит в том — и, возможно, именно в этом причина, почему многие наши западные коллеги испытывают трудности в понимании этих принципов, — что эти принципы настолько широки, настолько многогранны, что

они позволяют углублять и продолжать исследование общественных феноменов в процессах общественного развития, и поэтому не возникает необходимости, даже не возникает такого вопроса, — о смене этих принципов.

Приведу пример — реформа 1861 года. Я думаю, все согласятся, что невозможно достаточно полно и всесторонне изучать крестьянскую реформу на основе идеографической, субъективистской историографии. Методология структурализма, без сомнения, может дать здесь больше. Однако и методология структурализма не позволяет исследовать в полном объеме суть подобного феномена. Принципы плюрализма позволяют продвинуться дальше, во всяком случае, они позволяют рассмотреть все стороны этого феномена. Итак, при изучении реформы 1861 г. с точки зрения идеографизма, структурализма или плюрализма происходит фактический сдвиг, существенное изменение в методологии познания. При изучении этой реформы с точки зрения марксизма не возникает потребности в изменении методологии, потому что она изначально позволяет и требует рассматривать объект всесторонне. И мы еще долго не сможем исчерпать все возможности марксистской теории и методологии исторического познания — и я не знаю, можно ли их вообще исчерпать. Мы говорим, что марксизм — это теория и методология, которые требуют систематического, полного изучения. И это систематическое, полное изучение есть принципиально новое явление в науке. То, что марксизм требует систематического продвижения вперед, еще не означает, что каждому из нас, каждому историку, стоящему на позициях марксизма, гарантирована систематичность в изучении всех феноменов изучаемого процесса. Я полагаю, что, если мы хотя бы частично реализуем возможность систематического изучения на основе марксистских принципов, мы можем очень и очень далеко продвинуться вперед.

И в заключение. В конце концов, можно так поставить вопрос: будет ли это продолжаться до бесконечности? Произойдет ли еще когда-либо что-либо? Ставится вопрос, возможна ли еще одна революция в философии. Я могу высказать по этому поводу свое личное мнение. Я думаю, что возможна. Но когда она произойдет, я не знаю. Думаю, что не скоро. В чем она будет заключаться, я сейчас вам скажу. Это исключительно мое личное мнение. Марксизм, который воплощает все самое лучшее что достиг человеческий разум, и в особенности в философии и в истории, является радикальным, революционным изменением в науке, поскольку он дал теорию и методологию, которые позволяют нам познавать закономерное развитие общества. Однако есть отдельные люди, и отсюда возникает вопрос: если есть закономерности, которые определяют ход общественного развития, то должны существовать и закономерности, которые определяют функционирование отдельных личностей. Я думаю, что такие закономерности существуют. Однако для того, чтобы познать их, наука должна еще очень дале-

ко продвинуться вперед. Биологической науке необходимо познать вообще развитие жизни. Для этого биология должна познать развитие физики. А на это требуются еще десятилетия или столетия. Только на этой основе можно создать научную психологию. И тогда можно будет познать закономерности развития индивидуумов. Это будет означать колоссальное изменение в развитии философии.

Машинописный текст без подписи.

- 1 III коллоквиум историков СССР и ФРГ проходил 13—18 марта 1978 г. в Мюнхене. Делегация Национального комитета историков СССР состояла из семи человек, возглавлял ее директор Института истории СССР АН СССР академик А.Л. Нарочницкий. На обсуждение были вынесены две темы: «Историзм и современная историческая наука» и «Европа между революцией и реставрацией 1797—1815 гг.» И.Д. Ковальченко выступал по первой теме с докладом «Марксистский историзм и его воплощение в современной советской исторической науке». Текст доклада опубликован на немецком языке в издании: *Historismus und moderne Geschichtswissenschaft. Europa zwischen Revolution und Restauration 1797—1815. Drittes deutsch-sowjetisches Historikertreffen in der Bundesrepublik Deutschland. München, 13—18 März 1978. Stuttgart, 1987. S. 116—129.*
- 2 См.: *История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. 1—11. М., 1966—1980. Всемирная история. Т. 1—11. М., 1955—1977.*
- 3 XIII Международный конгресс исторических наук проходил 16—23 августа 1970 г. в Москве. И.Д. Ковальченко был одним из соавторов доклада «Количественные и машинные методы обработки исторической информации», представленного советскими историками на конгрессе.
- 4 «Заключительное слово» — текст выступления И.Д. Ковальченко в дискуссии, развернувшейся на коллоквиуме по теме «Историзм и современная историческая наука». И.Д. Ковальченко принимал участие и в обсуждении других проблем. Его выступления опубликованы. См.: *Historismus... S. 131—134, 153—159, 231—232, 314—316, 388—390.*
- 5 На обсуждение советско-германского коллоквиума в г. Мюнхене был представлен письменный текст реферата А.М. Сахарова «Формирование историзма в русской историографии XVIII — первой половины XIX в.» Основные положения реферата были изложены И.Д. Ковальченко, так как А.М. Сахаров не принимал непосредственного участия в работе коллоквиума. Реферат А.М. Сахарова опубликован. См.: *Historismus... S. 29—59.*
- 6 Реферат Б.М. Туполева «Экономика и экономическая политика России и Германии в ходе континентальной блокады» опубликован. См.: *Historismus... S. 264—278.*
- 7 Имеется в виду выступление А.Л. Нарочницкого при открытии коллоквиума. См.: *Historismus... S. 6—10.*